

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

DOI: 10.17805/ggz.2017.5.1

Разделение наук о природе и наук о культуре в Баденской школе неокантианства и перспективы исследований молодежи

Вал. А. Луков

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается разделение наук в Баденской школе неокантианства на науки о природе и науки о духе (культуре) как основание для применения в исследованиях молодежи этого разделения в смысле методологии исследования. Показаны перспективность и непоследовательность школы в применении обнаруженного ей феномена, усилившаяся роль метафоризации в социологии и соответствующие изменения во всем корпусе гуманитарных и социальных наук, включая их методологию (тезаурусный подход и др.).

Ключевые слова: философия культуры; социология культуры; неокантианство; Баденская школа; социология молодежи; метафоризация гуманитарного знания; синдром Бивиса и Батхеда; перспективы гуманитарных наук; тезаурусный подход

The Separation of the Sciences of Nature and the Sciences of Culture in the Baden School of Neo-Kantianism and the Perspectives of Youth Studies

VAL. A. LUKOV

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article discusses the division of sciences into the sciences of nature and the sciences of the spirit (culture) proposed by the philosophers of the Baden school of neo-Kantianism as a basis for the application of this separation in youth studies in the sense of a research methodology. The author shows the prospective viability and inconsistency of this school in the application of the phenomenon discovered by its representatives. He also notes the increasing role of metaphorization in sociology and the corresponding changes in the humanities and social sciences, including their methodologies (e.g., the thesaurus approach, etc.).

Keywords: philosophy of culture; sociology of culture; neo-Kantianism; Baden School; sociology of youth; metaphorization of humanities knowledge; Beavis and Butt-Head syndrome; perspectives of the humanities; thesaurus approach

ВВЕДЕНИЕ

Неокантианцы Баденской школы, и прежде всего ее центральные фигуры Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) и Генрих Риккерт (1863–1936), оставили свой след в гуманитарном знании, главным образом развивая аксиологию и вводя тематику ценностей в саму структуру гуманитарных наук. Виндельбанд и в наше время может быть

определен как идеалист, более того — субъективный идеалист. Он был безмерно увлечен Кантом и с большой долей безапелляционности утверждал: «Все мы, философствующие в XIX в., — ученики Канта» (Виндельбанд, 1995b: 21). Еще три десятилетия назад в некоторых странах это высказывание или демонстративно оставили бы без внимания, или обрушились бы на него с уничтожающей критикой, опять-таки подчеркивая субъективный идеализм автора как порочную позицию, основанную на буржуазном мировоззрении. Но в ситуации, когда постмодернизм показал силу деконструкции и когда методологический коллаж перестал вызывать идиосинкразию, Виндельбанд стал читаться по-другому. Его преклонение перед Кантом, которое заложило значимость для повседневности на уровне субъекта действия сложившихся у него представлений о жизни, того, что составляет картину мира и изучается культурологией (Кузнецова, Луков, 2009; Кузнецова, 2012; Погорский, 2012), не мешает ныне видеть главное. Виндельбанд писал: «Бессмертная заслуга Канта — открытие им синтетического сознания. Критика чистого разума раз навсегда установила невозможность для зрелого философского сознания мыслить мир так, как он является наивному сознанию, т. е. “данным” и отраженным в сознании. Во всем том, что нам представляется данным, кроется уже деятельность нашего разума: на том факте, что мы сначала создаем для себя вещи, и основывается наше познавательное право на них. Нам нужно сначала присвоить, приспособить к себе свой мир, который мы должны пережить, потому что мы можем пережить всегда лишь часть мира, один только отрезок его и то лишь в упорядоченной связи, принципы отбора и связи заложены в структуре нашего сознания, в котором они и должны быть найдены. Мир, который мы переживаем, есть наше дело» (Виндельбанд, 1995а: 9). Если мы снимем некоторые пассажи, отражающие особенности мышления и развития гуманитарных наук в XIX — начале XX в. (или не станем их выделять), то трактовка Виндельбанда окажется преддверием субъектной организации гуманитарного знания, какой она видится сейчас, спустя около столетия. В силу этого целью настоящей статьи стало обоснование разделения наук в Баденской школе неокантианства с позиций тезаурусного подхода и признание метафоричности важным ракурсом изучения человека и его мира в аспекте этого подхода, утверждающегося во всем корпусе гуманитарных и социальных наук, из чего следуют и перспективы таких неоднозначных и междисциплинарных исследовательских областей, как исследования молодежи.

ДВЕ ЛИНИИ В НАУКЕ: ТРАКТОВКА ГЕНРИХА РИККЕРТА

Проблема понимания в делении наук по принципам Баденской школы неокантианства высвечивается как особо важная для гуманитарного и социального знания. Неудивительно, что именно в конце XIX — начале XX в. в различные гуманитарные науки слово «понимание» приходит как определяющее весь их строй. Так, в частности, появилась «понимающая» психология Вильгельма Дильтея (называвшаяся автором «описательная» психология, но по сути представлявшая концепцию разделения наук у неокантианцев), а позже Эдуарда Шпрангера (который ввел и сам термин «понимающая» психология). Так сформировалась ныне очень популярная в России «понимающая» социология Макса Вебера.

Неудивительно и то, что «понимающая» социология М. Вебера логично соединилась с некоторыми фактами его жизни, его личной «повседневностью», а именно с тем, что выдвижение нового взгляда на еще только формирующуюся социологию идет вслед за активным взаимодействием научных группировок и школ того времени.

Исследователи человека и общества ищут своих союзников по всему полю теоретических построений, обогащают свои теории их идеями, отказываясь от неприемлемых для себя взглядов. У М. Вебера дома встречаются В. Виндельбанд, В. Зомбарт, Г. Зиммель, Ф. Тённис и многие другие философы и социологи (Гайденко, Давыдов, 1991: 29–31), несмотря на то, что их взгляды различаются по многим кардинальным вопросам. Выстраиваются цепочки взаимных влияний. Зиммелевское понимание ценностей, возникшее в рамках развиваемой им и Дильтеем философии жизни, оказало существенное воздействие на Генриха Риккерта, который, тем не менее, отвергает дильтеевский постулат о непосредственном вживании исследователя в изучаемый им исторический материал как основном познавательном средстве (с критикой Дильтея в этом пункте выступает и М. Вебер). Риккертовская теория ценностей предопределила многие стороны теоретической конструкции Вебера, хотя он придал теории ценностей иной, чем у Риккерта, характер. Критикуя психологизм Дильтея в исследовании жизни с тех же позиций, что и Риккерт, Вебер находит в отрицаемом им методе непосредственного вживания Дильтея те стороны, которые подвигли его на создание «понимающей» социологии.

Г. Риккерт наиболее обстоятельно в рамках Баденской школы неокантианства представил вопрос о различении наук о природе и наук о культуре, вероятно, учитывая дискуссии в научных салонах своего времени, подобных веберовскому. В чем состоит принцип этого разделения? Для Риккерта вся научная система делится на две группы наук: науки о природе и науки о духе, или, как у нас принято переводить, науки о культуре (Риккерт, 1998), чему в определенной степени способствовал сам Риккерт, не противопоставляя эти понятия. И те и другие подчиняются правилам науки, иначе они не составляли бы научного знания. Но они отличаются тем, что естественнонаучное знание (науки о природе) строятся как знание об объективно данных сущностях, в то время как науки о духе своей основой имеют значимое для человека, т. е. и в своем объекте, и в предмете исследований, а в конечном счете, как мы увидим, и в методе на передний план выдвигают систему ценностей. В этом нет отличия, например, истории, которая имеет дело с объективными фактами, но та же история может выступать и как наука о духе, что меняет ее облик.

Г. Риккерт писал в известной своей монографии «Границы естественнонаучного образования понятий» (*Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*), которая ему виделась как логическое введение в исторические науки, что «сущность закономерного, равно как и вообще сущность естественнонаучного общего, состоит именно в том, что для него безразличны особенности объектов, которые обнимаются им как экземпляры, и поэтому совершенно непонятно, каким образом общий закон развития должен был бы служить для отличения существенного от несущественного в том индивидуальном фактическом материале, благодаря которому история не ограничивается общим всем процессам развития народов. Итак, ни в коем случае не законы, но всегда лишь ценности должны применяться в качестве руководящего принципа трактования какого-либо однократного ряда стадий развития, так как лишь по отношению к ним индивидуальное может становиться существенным» (Риккерт, 1997: 445). Риккерт подчеркивает, что дело тут не в предмете, а именно в методе наук. Он пишет, что с задачами, которые должен ставить человек перед эмпирическими науками, «возможно справиться лишь благодаря разделению научного труда, и мысль о «монизме» эмпирически-научного метода есть логическая утопия» (там же: 439). Для него методы этих наук взаимно дополняют друг друга. Это дополнение происхо-

дит именно благодаря их различию, и его не стоит приводить насильственно к «чуждому различий единству» (там же).

Это положение, высказанное применительно к многообразию исторического знания в естественных науках, где связующую роль при этом многообразии призвана сыграть философия, имеет смысл учесть, когда науки о природе отделяются от наук о культуре (или духе) через метод познания: в первом случае мы ищем закон, которому подчиняется и общее, и единичное, во втором — значимость различий и отделение важного от неважного. Это не только иной итог познания, но и иная цель, и иной путь познания.

Выйдя на эту существенную линию разделения наук, Риккерт, как и Баденская школа в целом, исходили из того, что логика образования понятий в науках о природе и науках о духе дает в конечном счете схожие результаты: выстраиваются и там и там научные понятия, и ни об одних из них нельзя сказать, что они научные, а другие нет.

Тезаурусный подход, строящий картину мира на концептах, а не на понятиях (Луков В. А., Луков Вл. А., 2008, 2013, 2014: 23), позволяет в разделении наук на две группы, как это утвердилось в Баденской школе неокантианства, увидеть дополнительное основание для понимания субъекта познания, который не должен сводиться к представителям научного сообщества, а призван включать любого субъекта, которому в большей или меньшей степени свойственна социальная субъектность, т. е. свойства автономности и активности в формировании своей культурной картины мира — ядра тезауруса, которого он придерживается в повседневности.

Однако в этом случае стремление к единообразию понятий окажется дискуссионным.

МЕТАФОРЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Гуманитарные и социальные науки стремительно развиваются. Методологическая новизна состоит в том, что междисциплинарный подход дает в них наибольшее приращение гуманитарного знания, знания о человеке и его мире. Это не значит, что границы гуманитарных (социальных и гуманитарных) наук потеряли свое значение, а противоборство направлений и научных школ, в значительной мере в начале XX в. состоявшее в установлении границ между отдельными науками (психологией и социологией, антропологией и — в своей специальной части — искусствоведением и т. д.). Характерно, что до 1990-х годов антропология в СССР понималась в основном как физическая антропология, т. е. отрасль не гуманитарных наук, а естествознания, изучающая происхождение и эволюцию человека и его рас как природных объектов (Рогинский, Левин, 1978). На Западе также особое внимание уделялось физической, или биологической, антропологии (Ashley Montagu, 1960; Human biology ... , 1964), которая и в настоящее время в этом качестве отделяется от другого рода антропологических исследований (Jurmain, Kilgore, Trevathan, 2013). Надо учитывать, что до 1950-х годов ей приходилось доказывать, что немецкие расовые теории не приемлемы для нее. Огромное значение имела опубликованная в «Трудах Нью-Йоркской академии наук» статья Шервуда Уошберна «Новая физическая антропология» (Washburn, 1951), в которой автор вместо классификации народов, что не могло не вести к их расовому разделению, сосредоточил усилия на эволюции человека, расширив антропологические исследования, теперь включавшие палеоантропологию и приматологию. Этот подход сохраняется и в новейших учебных пособиях по физической антропологии (Jurmain et al., 2018).

На этот междисциплинарный, и даже трансдисциплинарный (Трансдисциплинарность ... , 2015) лад настраивает гуманитарные и социальные науки и провал расчлененных по предмету и методу проектов прошлых лет, и стремление обрести новый смысл в применении новых коммуникативных технологий, которые расширяют горизонты гуманитаристики и не дают ей возможности замкнуться в рамках узко понимаемых дисциплин гуманитарного знания, какими они выступали еще в пору расцвета Баденской школы неокантианства.

Изменилось в определенной мере и отношение к опоре этих дисциплин, каким было понятие. Научное понятие по своему замыслу однозначно, иначе не возможно было бы сравнивать полученные научным путем результаты, что подчеркивал, например, американский социальный психолог и социолог, развивший линию символического интеракционизма, Г. Блумер (Blumer, 1955). Его критические высказывания с позиции однозначного толкования понятий в статье об исследованиях установки сейчас, правда, не принимаются (Chaiklin, 2011: 35). Более того, если исходить из разделения наук, принятой Баденской школой, трактовка научного понятия, подобная блумеровской, окажется применимой только к группе естественных наук, к группе же наук о культуре она неприменима, и этому есть основания. Науки о культуре, основанные на ценностях, и в своем понятийном ряду несут иные черты: они строятся не на однозначности понятий, а именно на их многозначности, подобной многозначности слова, а значит, широко используют их метафорический смысл.

В последние полвека особенно заметно в науках о культуре, например, в теоретической социологии, стремление к метафоризации научного языка, его понятийный ряд в известной мере заменяется рядом концептным (в трактовке, принятой в тезаурусном подходе). Концепты не равны понятиям и с ними нужна иная аналитическая работа, нежели принятая в отношении понятийного ряда той или иной теории. В некотором смысле концепты — это предпонятия (Луков, 2015), они не могут столь же определенно подвергаться операционализации, как понятия, используемые как опорные в структурном функционализме и некоторых других фундаментальных направлениях социологического исследования. В числе таких предпонятий могут рассматриваться «общество риска», «общество знаний», «сетевое общество» и др., которые скорее являются образным аналогом реальности, имеющей некоторые обозначившиеся доминанты на фоне совершенно не совпадающих с ними черт, с одной стороны, и приписывающие нынешним обстоятельствам в качестве уникальных свойства, которые были свойственны и другим обществам, в том числе древним.

Метафоричность все больше проникает в современную социологию, о чем, в частности, свидетельствуют труды последних лет, предпринимаемые ведущим российским социологом Ж. Т. Тощенко. Обратимся к этим трудам, коллективным и индивидуальным.

У Ж. Т. Тощенко в последние десятилетия сложилась своя система социологической теории, изложенная им в ряде обобщающих работ (Тощенко, 2001, 2005ab; Новые идеи ... , 2013; Тезаурус социологии, 2009, 2013). Эта система в своем понятийном ряду метафорична. Это не случайно, и выделение видным социологом кентавр-проблем обосновывает такую работу с их отражением в понятиях.

Что такое кентавр-проблемы, по Тощенко? Соответствующие ментальные аналоги отражают специфичные парадоксы некоторых единств, которые кажутся отражением разной природы несовместимых свойств, но в действительности неразделимы. Кентавр — «воплощенная несовместимость разных начал, каким-то образом преодолен-

ная, что можно представить как метафору сочетания несочетаемого» (Тощенко, 2009: 152; курсив автора. — *Вал. А.*). Идея кентавр-проблем в работах Тощенко появляется вслед за осмыслением парадоксальности человека (Тощенко, 2001). Таким образом, через понимание парадоксальности человека и последующую трактовку кентавр-проблем выстраивается путь к тематике фантомов российского общества. Антиномичность как одна из основ фантомности признается формой кентавризма (Тощенко, 2015: 37). И кентавр-проблемы, и фантомность, и парадоксальность человека представляют собой не понятия в блумеровском смысле, а концепты, построенные на основе метафор.

Это хорошо подчеркнуто в обращении Ж. Т. Тощенко к понятию «фантом», которое в русском языке обладает высокой долей полисемичности. В словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой, отражающем его лексику в XX–XXI в., обозначено, что фантом — это причудливое явление, призрак, привидение. Одновременно в медицине это модель тела человека или какой-либо его части в натуральную величину, служащая наглядным пособием (Ефремова, 2000). Даже в этом сжатом виде фантом как слово неоднозначен. Во многих статьях его значение существенно расширено, оно мистифицировано и связано с тайной бессмертия человека. А. Шестерненко, например, пишет: «Как утверждают специалисты-эзотерики, фантом — это невидимая копия человека, животного, предмета. Другими словами, он создается человеком и остается привязанным к нему. Это сгусток энергии, который полностью копирует своего реального создателя. Если углубиться в изучение вопроса, что такое фантом, то станет ясным суть этой мыслеформы, которая несет в себе некий заряд энергетике» (Шестерненко, 2015: Электронный ресурс). Книга Ж. Т. Тощенко «Фантомы российского общества» (Тощенко, 2015), опубликованная в том же году, что и статья А. Шестерненко, совсем иначе представляет суть этого явления. В соответствии с тем, как книга охарактеризована в аннотации, она посвящена фантомам — уникальному феномену, олицетворяющему «особенные, аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) жизни, оказывающие серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы» (там же: 2). Тут же очень емко охарактеризованы носители этих форм поведения и активности. По Тощенко, им присущи гипертрофированные социальные качества — «непомерная жажда власти, неограниченное желание богатства, болезненное стремление к славе. В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками этими качествами обладают весьма специфический ряд государственных и общественных деятелей, а также финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в современную переломную эпоху жизни России, в условиях коренных политических и экономических преобразований» (там же).

Трактовка фантомов, изучаемых автором в социально-философском ключе, опирается на определенную линию в современной философской и социологической концептуализации социальной реальности, которая не может быть осмыслена в формах теоретического знания XIX в., когда социология только формировалась как общественная наука, и даже тех социальных теорий XX в., которые определяли образцы учности в социологии до 1960-х годов.

Когда Ж. Т. Тощенко обращается к концепту «фантом», он ставит его в связь с таким концептом как «травма» и учитывает трактовки «травмы» Ю. Хабермаса, П. Штомпки, Н. Смелсера, Дж. Александера, З. Баумана и других крупных социологов нашего времени (там же: 18–19). В целом для книги Ж. Т. Тощенко характерно глубокое внимание к позициям, получившим распространение в мировой и отечест-

венной социальной мысли последних десятилетий, автор хорошо знает и глубоко понимает суть новейших социологических концепций — российских в их числе (Тощенко, 2010), что довольно редко для отечественной научной литературы по социологии, — и в своем конструировании теоретического отражения изучаемого феномена опирается на них, сохраняя, однако, и дистанцию. В этом смысле он имеет все основания и в новой книге опереться на свои новаторские теоретические идеи, и прежде всего на выдвинутую им концепцию кентавризма (Тощенко, 2011).

Фантомы в общественной жизни в монографии определяются по пяти ведущим признакам: «1) необычное явление, имеющее исключительную специфическую форму своего проявления; 2) аномальное явление, не вписывающееся в привычные, одобряемые обществом формы организации социальной жизни; 3) резко деструктивные процессы, тормозящие или дискредитирующие существующие правила функционирования; 4) не просто несовпадающие действия, а конфронтирующие с окружающей реальностью, умышленные, провоцирующие акции; 5) противоречия между желаемой и реальной жизнью, когда субъективные устремления противостоят объективным тенденциям общественного развития» (там же: 63). В соответствии с этим автор осуществляет классификацию фантомов, выделяя «фантомные лики» (определенные типы личности, которые склонны к соответствующему мышлению и поведению) и «фантомные процессы». В монографии обстоятельно описаны семь фантомных типов личности. Эти типы получили у Ж. Т. Тощенко следующие обозначения: «бесы», «мутанты», «политические клоуны (шуты)», «нарциссы», «коллаборационисты», «этнополитические ксенофобы», «кроты, перебежчики и прочие». Автор идет от этимологии соответствующих слов в русском языке, выявляет сущность, характерные черты каждого типа, присущие ему направления деятельности и методы работы, последствия деятельности. Уже сами наименования типов легко соединяются с теми или иными политическими фигурами последних десятилетий. И в самом деле, автор, давая то или иное название типу, не обозначает некую абстракцию, это все эмпирические обобщения, и в книге подробно анализируются — применительно к тематике фантомов — такие фигуры, как В. В. Жириновский, Э. А. Шеварнадзе, Г. Э. Бурбулис, А. А. Собчак и многие другие. Между тем, простота соединения у читателя образа Б. А. Березовского с «бесами» или О. Д. Калугина с «кротами» — видимая, потребовалась большая аналитическая работа, чтобы множество политических фигур осмыслить в определенной типологии, которая имеет значение не сама по себе, а в конструкции фантомов российского общества.

То же относится к фантомным процессам. В книге к ним отнесены «имитация», «семибанкирщина» (термин, построенный по аналогии с «семибоярщиной» 1610–1613 гг.), «эффективный менеджмент» (в книге стоит «эффективный менеджер», но мы даем модификацию термина для представления соответствующего процесса), «манкуртизм», «охлократия», «деформация интеллектуального слоя» (соответствующая глава названа «Интеллигенция становится фантомом?»), «правление элит» (глава, посвященная элитам, красноречиво названа «Элиты второй свежести», в ней автор задается и вопросом номинации: «Клики? Касты? Клань? Как назвать тех, кто правит нами?») (там же: 495). Здесь опять-таки узнаваемое, видимое, так сказать, невооруженным глазом, оказывается выстроенным в определенный концептуальный ряд и рассмотрено в определенной последовательности: причины возникновения, истоки соответствующего процесса, его ведущие черты и особенности проявления в российском обществе, социальные последствия.

Стремление показать фантомность как определенную целостность поставило перед автором важный для социальной теории вопрос о системности этого феномена. Иными словами, как быть с явлениями, которые не в полной мере вписываются в системы: предпочитать стройность системы или полноту и особость рассматриваемых реалий? Ж. Т. Тощенко нашел продуктивный способ его разрешения для динамично меняющихся объектов социального исследования, выделив в самостоятельный раздел книги «уникальные протуберанцы». Здесь представлен «русский Герострат» Б. Н. Ельцин, «современный эпигон» М. С. Горбачев, дан социальный портрет «русских чертополохов» (Е. Т. Гайдар и др.). Относительно последних Ж. Т. Тощенко еще ищет термин: кроме «чертополохов», он их обозначает и как «гапоновцев», и как «демонов» (там же: 603–604).

Теоретическое значение проведенного исследования точно охарактеризовал сам автор, обращая внимание на то, что изучаемые им фантомы — фантомные личности и процессы — «не могли быть генеральной тенденцией, ведущей характеристикой в условиях стабильного устойчивого развития» (там же: 658). Поэтому традиционными социологическими концепциями они не фиксировались, оставались на периферии социологических обобщений. Автор на этом основании считает необходимым ввести в научную лексику понятие «общество травмы» или «травмированное общество» (там же). Это важный постулат для формирования современной теоретической социологии.

Обратим также внимание на особенности пути, по которому она идет в последние десятилетия. Язык метафор долгое время считался если и допустимым в социологической науке, то в очень небольшом объеме и только для обозначения пути, на котором от метафоры все же будет сделан последующий и необходимый шаг к системе строгих понятий. Сегодня все более и более ясно, что метафоры выступают как ключ к социологическому постижению мира, оказавшемуся более сложным, чем имеющиеся теории могут его адекватно представить. Книга Ж. Т. Тощенко наполнена метафорами, впрочем, как и его «Парадоксальный человек» и «Кентавр-проблема». Это сознательная позиция автора, имеющая для современной российской социологии общеметодологическое значение. Для осмысления принципиально новых проблем, с которыми столкнулся мир на рубеже XX и XXI в., применение сложившегося в иных исторических условиях понятийного аппарата и в целом системы утверждений, пользующихся таким аппаратом, имеет ограниченный характер. В центре системы знаний об обществе стоит все же картина мира, представленная в концептах, лишь в конечном счете редуцируемых к системе понятий, которые могут быть подвержены операционализации по уже известным в науке правилам.

Мир меняется, меняется и наука об обществе. Книга Ж. Т. Тощенко свидетельствует о перспективах таких перемен и о продуктивности применения нового взгляда на общество к анализу современных российских реальностей. Одновременно Ж. Т. Тощенко показывает, что в социологии, в других науках о человеке и обществе метафора выступает как более надежное средство обобщений, чем это видели в начале XX в. неокантианцы. Они правильно поставили вопрос о размежевании наук о природе и наук о духе, но не провели свою идею до конца. Только в начале XXI в. становится ясно, что верное направление мысли дает и более точные инструменты описания многообразия человека и его мира. Во всех случаях, когда предметом исследования оказывается нечто противоречивое и несущее в себе кентавр-проблему, необходимо прибегать к метафоре не как к дополнительному средству, а как к главной характери-

стике этого предмета. Таковы целые отрасли гуманитарных и социальных наук. Такова, в частности, и социология молодежи, к рассмотрению которой мы переходим.

*О МЕТАФОРИЗАЦИИ ЗНАНИЯ О МОЛОДЕЖИ
В СОЦИОЛОГИИ МОЛОДЕЖИ*

Гуманитарное знание о молодежи рассматривается в различных аспектах, и первоначальные теории молодежи в основном находятся в сфере педагогики (Ж.-Ж. Руссо и вся линия руссоизма вплоть до нашего времени), а позже, в начале XX в., главным образом в сфере психологии. Таковы известные книги американского психолога Г. Стэнли Холла, австрийской исследовательницы Ш. Бюлер, немца Э. Шпрангера. Очень редко проблемы молодежи привлекали в своих отдельных чертах (например, во взаимоотношениях поколений в семье) социологов, таких как П. А. Сорокин. В последующем исследования молодежи стали относить преимущественно к социологии молодежи, поскольку появились привлекавшие внимание в обществе книги социологов или близких к социологии исследователей К. Маннгейма, а спустя десятилетия Ш. Эйзенштадта, Л. Розенмайера, Ф. Тенбука, Ч. Рейча и др. В учебной и справочной литературе по социологии молодежи первый этап ее становления без подчеркивания разницы наук излагается как вклад всех этих и многих других ученых, не обозначая их профессиональную принадлежность, хотя даже в названиях нередко она звучит (например, книга Шарлотты Бюлер, вышедшая в Йене первым изданием в 1922 г., называется «Душевная жизнь юных» — *Das Seelenleben des Jugendlichen*, книга 1924 г. Эдуарда Шпрангера «Психология юношеского возраста» — *Psychologie des Jugendalters*). Не принимается во внимание, что Г. Стэнли Холл был пропагандистом учения З. Фрейда в США и организовал первую и единственную поездку известного австрийского ученого в Америку с лекциями по психоанализу, что Э. Шпрангер в изучении психологии молодежи исходил из неокантианского учения о ценностях и применял принципы понимающей психологии, и другие факты. Одновременно нельзя не учитывать, что ко времени появления первых работ, содержавших данные эмпирических исследований о молодежи, ее обозначившиеся границы между гуманитарными науками не были закреплены, а сами авторы даже на уровне структурного деления своих книг шли по междисциплинарному пути и затрагивали многие вопросы, позже отнесенные к социологии молодежи.

Социологию молодежи принято рассматривать как отрасль социологии, «предметом которой является изучение молодежи как социально-демографической группы, ее роли в общественном воспроизводстве, положения в социальной структуре и взаимодействия с другими общественными группами, особенностей ее сознания и социального поведения» (Чупров, 2008: 461). Но у нее есть некоторые черты, которые позволяют социологам, развивающим другие отрасли социологического знания, внимательно присматриваться к этой части социологии. Часть этих черт относится к предмету изучения — молодежи. Некоторые теории молодежи на первый план выдвигают понимание молодежи как упреждающей (*antizipatorische*) деятельности. Таково, например, центральное утверждение немецкого социолога (опубликовавшего полное собрание сочинений классика социологии Фердинанда Тённиса) Ларса Клаузена (1935–2010) в его книге «Социология молодежи» (Clausen, 1976). Утверждение об упреждающей деятельности (или активности — *Aktivität*) молодежи сказалось на его работах по общей социологии и социологии катастроф (Clausen, 2003, 2015; Clausen, Geenen, Masamo, 2003). Здесь вряд ли надо опираться на понимание каждого челове-

ка, заранее относящегося к незнакомым людям с положительным или отрицательным упреждением, о чем толкует И. Гофман. Когда речь идет об упреждающей активности как свойстве молодости (или молодежи, в зависимости от контекста) предполагается, что новое поколение сигнализирует о процессах, которые еще не выявились, но которые в полной мере проявятся в обществе спустя определенное время, а именно (скажем мы) ко времени обретения ею в полном объеме социальной субъектности. При этом Л. Клаузен исходил из того, что молодежь «является социально значимым логическим понятием» (Clausen, 1976: 13; пер. наш. — *Вал. А.*), он последовательно рассматривал ее в связях с институциональным строением окружающей среды — домом, школой, профессией, высшей школой, отдыхом (*ibid*: 52–121) и полагался на то понимание научного знания, которое сложилось в науках о природе и во многом сегодня составляет основу социологии молодежи, да и в социологии как таковой.

Тезаурусный подход иначе трактует и саму молодежь, и социологию молодежи. Для нас важно, что молодежь выступает как концепт, который более или менее ясен всем, но плохо сопоставим по параметрам понятия в зависимости от стран и присущих им социокультурных моделей. Невозможно в связи с этим определить общие параметры молодежи по возрасту, типу занятости, семейному положению, языку и т. д. Так что в основе социологии молодежи лежит не понятие, а концепт. Это же касается базовых обобщений в этой области, таких как «подростающее поколение», «потерянное поколение», «поколение X», «юноши и девушки», «молодость» и т. д., хотя на уровне повседневности простых людей определить, кто в эти ячейки попадает, не составляет интеллектуальной задачи. Таким образом, на вершине стоят концепты, которые мы можем охарактеризовать через их метафорический строй, а они притягивают к себе, как магниты, и понятия, которые могут быть определены довольно точно и предполагают их сравнимость (например, что к молодежи относятся лица в возрасте 15–25 лет). Понятия в этом случае не точны в силу своей одномерности при сложных по структуре объектах во всем, кроме обстоятельства их сравнимости.

В некоторых случаях тенденцию, свойственную для того или иного общества, проясняют исследования вслед за художественными образами. Метафоризация здесь оказывается незаменима для гуманитарных и социальных наук, а литератор (писатель, поэт, публицист) прокладывает для ученого путь к лучшему пониманию человека и его мира. Один из таких примеров мы рассмотрим.

СИНДРОМ БИВИСА И БАТХЕДА

В социологии молодежи 1990-х годов синдром Бивиса и Батхеда (*the Beavis and Butt-Head syndrome*) был не только понятным обозначением, но и краткой характеристикой целого социального явления, распространившегося в мире в силу процесса глобализации. Это было метафорическое обозначение идиотизма и отсутствия ценностных ориентаций, присущих жителям США, у американской школьной молодежи данного времени под влиянием медиа, сделавших неразличимыми реальность и виртуальность и получивших новые возможности управления человеком, в частности его интеллектом.

В основе метафоры лежит название американского комедийного мультсериала «Бивис и Баттхед» (*Beavis and Butt-Head*), созданного Майклом Джаджем и транслировавшегося на канале MTV в 1992–1997 гг., а также в 2011 г. На базе идей и персонажей мультсериала в 1996 г. был снят полнометражный анимационный фильм в жанре роуд-муви «Бивис и Баттхед удельывают Америку» (*Beavis and Butt-Head Do America*).

В озвучивании, кроме М. Джаджа, участвовали известные актеры Брюс Уиллис, Дэми Мур и др.

Создатель мультсериала рассматривал его как пародию и даже сатиру на MTV (см.: Mike Judge interviewed ... , 1994: Электронный ресурс), но критика иначе увидела героев мультсериала. Название мультсериала стало использоваться в обыденной речи как формула определенного круга эстетствующих публицистов. В дискуссиях о магистральных арт-стратегиях феномену В&В придавалась особая роль: «...делезо-гваттариевскую шизофрению 70-х сменила трэшевая тупость 80-х, а на смену тупости (еще вполне стихийной и расхлябанной) явился строгий и бескомпромиссный идиотизм 90-х. Легко убедиться, что психика Б&Б гармонично сочетает в себе все эти три диагноза» (Майзель, 2000: Электронный ресурс).

В социологии молодежи в синдроме Бивиса и Батхеда усматривается возможность влияния на социальную структуру ближайшего будущего факторов, которые следует связать с интеллектуальным ресурсом. Этот ресурс и раньше был существенным, но скорее в личностном и корпоративном, чем в макросоциальном плане. Сегодня в молодежной среде возникает дистанция по признаку ум/глупость, которая фиксируется, с одной стороны, через тенденцию к интеллектуальным прорывам (есть утверждения, что в результате мутации человеческого мозга вероятно появление нового типа человеческой расы, превосходящей нынешние именно по качеству интеллектуальной деятельности — по уму), с другой — через широкое распространение (Луков, 2012).

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Изменение структуры, а значит, и функций гуманитарных наук не могло не сказаться на формах их передачи новым поколениям. Это хорошо видно на таких формах, как массовые открытые онлайн-курсы (МООК) (МООС — Massive Open Online Courses), которые сначала применялись именно в отношении естественных наук, а позже раскрылись их возможности относительно передачи гуманитарного знания. Особенно плодотворными стали поиски в области МООК в 2014–2016 гг., чему способствовали юбилейные даты У. Шекспира — 450-летие его рождения и 400-летие его кончины.

Сразу несколько таких бесплатных англоязычных курсов появилось на платформах FutureLearn, edX и Coursera. Начиная с 2014 г. в рамках проекта FutureLearn стали доступны два онлайн-курса: «Гамлет» Шекспира: текст, постановки и культура» и «Шекспир и его мир». Авторами курсов выступили лучшие преподаватели Великобритании, специалисты в области изучения культуры Ренессанса, известные во всем мире шекспироведы Майкл Добсон (*Michael Dobson*) и Джонатан Бейт (*Jonathan Bate*) (Захаров, Луков, 2017: 92).

Метафоризм и стал в этих курсах МООК привлекательным для широкого круга участников, именно он поддержал интерес к довольно трудному для освоения учебному материалу.

В этом же духе возможны МООКи и в других тематических областях. Социология молодежи создает широкое поле для интерпретаций и при применении тезаурусного подхода может быть интересной для новых поколений социологов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социология молодежи — одна из наиболее интенсивно развивающихся отраслей современной социологической науки. Исследования, проводимые среди молодежи и выявляющие фундаментальные и преходящие черты социального облика новых по-

колений, признаются чрезвычайно актуальными и научным сообществом, и органами государственной власти, и структурами гражданского общества, поскольку социальные качества молодого поколения и тенденции его социализации, реализация его инновационного потенциала в значительной степени предопределяют общество будущего — его экономики, политики, социальной и культурной жизни.

Немаловажно, что с исследований на материале молодежных проблем нередко начинается путь молодых социологов в науку. Накопленный материал эмпирических исследований, значительное число теорий молодежи, наблюдений и обобщений в области молодежного движения, многообразие концепций молодежной политики — это теоретическое и практическое богатство нуждается в систематизации, которая учитывала бы быструю смену приоритетов как в молодежной среде, так и в социологии молодежи.

Междисциплинарность — давно признанная основа молодежных исследований, и это не может не формировать будущее социологии молодежи. Времена, когда она рассматривалась только как объективный феномен, подлежащий некоторому «независимому» исследованию, прошли, и объективизм не показал своих преимуществ. Нет преимуществ и у субъективизма, которым все еще наполнены качественные исследования молодежи. Тезаурусный подход, в центре которого картина мира и тематика приобретения молодежью социальной субъектности, более перспективен. Но в том случае, если проводится граница, обнаруженная Баденской школой неокантианства между науками о природе и науками о культуре. Понимание молодежи как концепта, чего нет в прозрениях Баденской школы, в новых условиях может дать и новые результаты. Идея концепта, который как магнит притягивает соответствующие понятия — а с ними наука умеет работать, — может выступить в методологической роли для всего корпуса гуманитарных и социальных наук. Она же может проявить свои лучшие качества в системе образования — передачи знания, понимания и умений по этим наукам новым поколениям исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виндельбанд, В. (1995а) *Философия культуры и трансцендентальный идеализм* // Виндельбанд В. *Избранное: Дух и история* : пер. с нем. М. : Юристь. 687 с. С. 7–19.
- Виндельбанд, В. (1995b) *Прелюдии. Философские статьи и речи* // Виндельбанд В. *Избранное: Дух и история* : пер. с нем. М. : Юристь. 687 с. С. 20–293.
- Гайденко, П. П., Давыдов, Ю. Н. (1991) *История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс*. М. : Политиздат. 367 с.
- Ефремова, Т. Ф. (2000) *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* : Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц : в 2 т. М. : Рус. яз.
- Захаров, Н. В., Луков, В. А. (2017) *Тезаурусность шекспировских исследований* // *Тезаурусы и тезаурусная сфера* : II Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова, 29 марта 2017 г. : сб. науч. трудов / редкол.: В. А. Луков (отв. ред.), Н. В. Захаров, Т. Ф. Кузнецова, Ч. К. Ламажаа, В. П. Трыков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. 256 с. С. 84–105.
- Кузнецова, Т. Ф. (2012) *Культурная картина мира: теоретические проблемы* : науч. монография. М. : ГИТР. 250 с.
- Кузнецова, Т. Ф., Луков, В. А. (2009) *Культурная картина мира в свете тенденций развития культурологии* // *Вестник Международной Академии наук (Русская секция)*. №1. С. 66–69.
- Луков, В. А. (2012) *Теории молодежи: Междисциплинарный анализ*. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 528 с.
- Луков, В. А. (2015) *Метафоры как ключ к социологическому постижению мира* // *Знание. Понимание. Умение*. №1. С. 385–390. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.37

- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2014) Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 18–35.
- Майзель, Е. (2000) Шизофрения, тупость, идиотизм... Кто даст больше? [Электронный ресурс] // Русский журнал. 14 июля. URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/20000714_maizel.html [архивировано WaybackMachine] (дата обращения: 29.10.2017).
- Новые идеи в социологии (2013) : монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 479 с.
- Погорский, Э. К. (2012) Картина мира // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 322–323.
- Риккерт, Г. (1997) Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки : пер. с нем. СПб. : Наука. 532 с.
- Риккерт, Г. (1998) Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. / общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова ; сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева ; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М. : Республика. 413 с.
- Рогинский, Я. Я., Левин, М. Г. (1978) Антропология : учеб. пособие. 3-е изд. М. : Высшая школа. 528 с.
- Тезаурус социологии (2009) : темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 487 с.
- Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований (2013) : темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 415 с.
- Тощенко, Ж. Т. (2011) Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М. : Новый хронограф. 552 с.
- Тощенко, Ж. Т. (2001) Парадоксальный человек. М. : Гардарики. 398 с.
- Тощенко, Ж. Т. (2005а) Социология : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 640 с.
- Тощенко, Ж. Т. (2005b) Кентавр-проблема в познании и преобразующей деятельности человека // Социол. исследования. №6. С. 4–7.
- Тощенко, Ж. Т. (2009) Кентавр-проблема // Тезаурус социологии : тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА. С. 152–156.
- Тощенко, Ж. Т. (2010) Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социол. исследования. №7. С. 3–6.
- Тощенко, Ж. Т. (2015) Фантомы российского общества. М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Трансдисциплинарность в философской науке: Подходы. Проблемы. Перспективы (2015) / под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца ; [авт. кол.:] Р. В. Шольц, Д. Дж. Ланг, А. Вик и др. ; Ин-т философии РАН. М. : Изд. дом «Навигатор». 564 с.
- Чупров, В. И. (2008) Социология молодежи // Социология молодежи : энциклопедич. словарь / авт.-сост. Ю. А. Зубок, А. И. Ковалева, В. А. Луков, В. И. Чупров ; отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia. 606 с. С. 461–466.
- Шестерненко, А. (2015) Кто и что такое фантом [Электронный ресурс] // SYL.ru. 24 июля. URL: https://www.syl.ru/article/196642/new_kto-i-cto-takoe-fantom [архивировано WaybackMachine] (дата обращения: 20.10.2017).
- Ashley Montagu, M. F. (1960) An introduction to physical anthropology. 3rd edn. Springfield, IL : C. S. Thomas. xvi, 771 p.
- Blumer, H. (1955) Attitudes and the social act // Social Problems. Vol. 3. No. 2. P. 59–65.
- Chaiklin, H. (2011) Attitudes, behavior, and social practice // The Journal of Sociology & Social Welfare. Vol. 38. No. 1. P. 31–54.
- Clausen, L. (1976) Jugendsoziologie. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz : Kohlhammer. 152 s.

Clausen, L. (2003) Einführung in die Theorien der Soziologie // Soziologie über die Grenzen: Europäische Perspektiven : Festschrift für Prof. Dr. Dr. h.c. Bálint Balla zum 75 / Hrsg. von St. Beetz, U. Jacob, A. Sterbling. Hamburg : Krämer. 599 s. S. 125–161.

Clausen, L. (2015) Meine Einführung in die Soziologie: 15 Vorlesungen in freier Rede / Hrsg. von J.-F. Bandel, K. R. Schroeter ; unter Mitwirkung von B. Clausen. Frankfurt am Main : Stroemfeld. 365 s.

Clausen, L., Geenen, E. M., Macamo, E. S. (2003) Entsetzliche soziale Prozesse: Theorie und Empirie der Katastrophen. Münster : LIT. x, 352 s.

Human biology: An introduction to human evolution, variation, and growth (1964) / G. A. Harrison, J. S. Weiner, J. M. Tanner, N. A. Barnicot. Oxford ; New York : Oxford University Press. xvi, 536 p.

Jurmain, R. et al. (2018) Introduction to physical anthropology / R. Jurmain, L. Kilgore, W. Trevathan, R. L. Ciochon, E. J. Bartelink. 15th edn. Boston : Cengage Learning. xvii, 576 p.

Jurmain, R., Kilgore, L., Trevathan, W. (2013) Essentials of physical anthropology. 9th edn. Belmont, CA : Wadsworth, Cengage Learning. xvii, 431 p.

Mike Judge interviewed by John Kricfalusi / M. Judge, J. Kricfalusi (corr.). (1994) [Электронный ресурс] // Wild Cartoon Kingdom. Issue 3. URL: <http://www.inthe80s.com/july1995/animate/be-avis.html> [архивировано WaybackMachine] (дата обращения: 12.06.2017).

Washburn, S. L. (1951) The new physical anthropology // Transactions of the New York Academy of Sciences. Series II. Vol. 13. No. 7. P. 298–304.

Дата поступления: 18.10.2017 г.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Lukov Valery Andreevich, Doctor of Philosophy, Professor, Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honored Scientist of the Russian Federation, full member of the International Academy of Science (Innsbruck). Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: v-lukov@list.ru

Для цитирования:

Луков В. А. Разделение наук о природе и наук о культуре в Баденской школе неокантианства и перспективы исследований молодежи [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2017. №5. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/597> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: 10.17805/ggz.2017.5.1